

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНИГИ ІОВА.

(Продолженіе).

Кто таковъ Іовъ? и что за общество — Іовъ и друзья его?

Изъ предыдущаго изслѣдованія о родилѣ Іова можно уже съ вѣроятностію заключать, что какъ Іовъ, такъ и собесѣдники его, за исключеніемъ развѣ Софара наамитянина, не принадлежали еврейскому племени, а были изъ другихъ племенъ, находившихся вѣ завѣта Іеговы. Въ этой мысли окончательно утверждаетъ насъ писатель нашей книги употребленіемъ именъ Божіихъ. Тамъ, гдѣ говоритъ онъ отъ себя, какъ повѣствователь, какъ въ прологѣ, эпилогѣ и въ историческихъ прибавленіяхъ въ средилѣ книги, 38, 1. 39, 31. 33. 40, 1. 42, 1, употребляетъ имя Божіе יְהוָה, исключительно принадлежащее народу еврейскому, какъ собственное имя Бога-Осуществителя обѣтованій, данныхъ праотцамъ его, Бога завѣта съ народомъ Божіимъ и спасенія чрезъ обѣтованнаго Мессію всего рода человѣческаго. Въ рѣчахъ же Іова и друзей его употребляетъ для названія Бога אֱלֹהִים, אֱלֹהֵינוּ, אֱלֹהֵיכֶם, אֱלֹהֵיכֶם и אֱלֹהֵיכֶם, — такія имена, которыя выражаютъ общія представленія о Существовѣ Божіемъ и Его творческое и про-

мыслительное отношеніе ко всему міру. Только два раза въ словахъ Іова встрѣчается имя יְהוָה , 1, 21 и 12, 9. Но употребленіе его въ первомъ случаѣ изъясняютъ случайностію, произшедшею независимо отъ соображеній писателя, потому что въ томъ же прологѣ, гдѣ говоритъ Іовъ и жена его, употреблено не יְהוָה а אלהי , 1, 5. 2, 9. 10. (Bleek, Einleit in d. A. T. s. 660). Что касается до 12, 9, то нѣкоторыя рукописи имѣютъ не יְהוָה , а אלהי (Fürst, Gesch d. bibl. Liter. B. II. s. 423. Heiligst. Comment in Iobum, p. 82); слѣдовательно, употребленіе этого имени здѣсь, по крайней мѣрѣ, сомнительно. Напротивъ, многія мѣста въ рѣчахъ Іова и друзей его, въ которыхъ почти буквально воспроизводятся мысли изъ другихъ священныхъ книгъ, ясно показываютъ, что писатель видимо и намѣренно избѣгалъ употребленія имени יְהוָה , замѣняя его другимъ. Такъ наприм. 5, 17: *наказанія Вседержителя (שׁוֹפֵר) не отвергай*; въ Притч. 3, 11: *наказанія Іеговы (יְהוָה) не отвергай*. Іов. 18, 21: *и вотъ мѣсто того, который не знаетъ Бога (לֹא יָדַע אֱלֹהִים)*; 1 Цар. 2, 12: *они (сыновья Ілія) не знали Іегову (לֹא יָדָעוּ אֶת־יְהוָה)*. Іов. 27, 2: *живъ Богъ (חַי אֱלֹהִים)*; въ кн. Суд. 8, 19. 1 Цар. 20, 3. 25, 26 таже формула клятвы выражена: יְהוָה חַי . Іов. 28, 28: *страхъ Господень (יְרֵאָה) есть премудрость*; этому мѣсту параллельны Притч. 1, 7: *страхъ Іеговы (יְהוָה) есть начало знанія*,—9, 10: *начало премудрости страхъ Іеговы*,—15, 33: *страхъ Іеговы есть наука премудрости*. Этой замѣны ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ предположеніемъ, что писатель нашей книги представлялъ употребленіе имени יְהוָה не свойственнымъ

тѣмъ лицамъ, которыхъ разсужденія излагалъ въ своемъ произведеніи.

Но оставляя въ рѣчахъ Іова и друзей его другія наименованія Высшаго существа, употребляемыя въ священныхъ еврейскихъ книгахъ, авторъ нашей книги ясно показываетъ, что какъ Іовъ такъ и его собесѣдники, происходя изъ языческихъ племенъ, принадлежали къ ревностнымъ поклонникамъ единого истиннаго Бога. Изъ 31, 26 — 28 можно заключать, что въ странѣ, въ которой жилъ Іовъ, господствовалъ сабизмъ, выражавшійся въ боготвореніи солнца и луны ¹⁾. Но Іовъ и видимо и въ тайнѣ сердца своего былъ далекъ отъ этого суевѣрія, потому

¹⁾ *Видя свѣтъ солнечный, какъ онъ сіяетъ, и мѣсяцъ какъ онъ величественно ходитъ, прельстился ли я въ тайнѣ сердца моего, и уста мои цѣловали ль руку мою* (разумѣется — въ знакъ боготворенія ихъ)? Объ этомъ способѣ боготворенія солнца пишетъ *Лукианъ* въ своемъ сочиненіи *περί ὀρχήσεως*: Καὶ Ἰνδοὶ ἔωθεν ἀναστάντες προσεύχονται τὸν ἥλιον, δοῦν ὥσπερ ἡμεῖς τὴν χεῖρα κύσαντες, ἡγοῦμεθα ἐντελῇ ἡμῶν εἶναι τὴν εὐχήν. Тацитъ свидѣтельствуєтъ, что въ Сиріи существовалъ обычай привѣтствовать подобнымъ образомъ солнце при восхожденіи его (Annal. L. XIX). По свидѣтельству *Плинія* (Hist. natur. XXVIII, 2) и *Минуция Феликса* (in Octavio cap. 11), приложеніемъ правой руки къ устамъ древніе свидѣтельствовали свое почтеніе къ тѣмъ лицамъ и священнымъ предметамъ, коихъ, по дальности разстоянія, не могли лобзать устами. Боготвореніе солнца и звѣздъ проникало и въ Іудею, какъ видно изъ 4 Цар. 23, 5. 11 и Іезек. 8, 16. Геродотъ (кн. III, гл. 33) находилъ его въ свое время у Аравитянъ. Чистый сабизмъ оставался господствующею религіею въ пустынной Аравіи до распространенія Корана между ея кочевыми племенами (Истор. религій древняго и новаго міра, т. IV, стр. 252).

что считалъ его преступленіемъ, достойнымъ наказанія, и предаться ему, по его представленію, значило отречься отъ Бога Всевышняго (עֲלֵיכֶם יְיָ אֱלֹהֵינוּ *Boiz, который выше всего*). Этому Богу, который выше всего, Іовъ служилъ, приносилъ жертвы не только за себя, но и за дѣтей, опасаясь, чтобъ они не согрѣшили предъ Нимъ и не оскорбили Его въ сердцѣ своемъ какимъ либо противнымъ Ему помысломъ (Іов. 1, 1. 5). Того же Бога, Который выше всего, почитаютъ и собеседники Іова, и стараются защитить Его, когда замѣчали въ рѣчахъ Іова выраженія оскорбительныя для вселенія Божія (13, 7. 8. 34, 37. 35, 16). Наконецъ явленіе Бога Іову, сопровождавшееся вразумленіемъ какъ его такъ и друзей его, ясно показываетъ, что всеѣ они были почитателями единаго истиннаго Бога.

Изъ тѣхъ выраженій, съ которыми Іовъ и его собеседники относятся другъ къ другу, изъ характера ихъ бесѣдъ и вообще изъ всей постановки, какую авторъ книги далъ своему предмету, видно, что эти люди, Іовъ и друзья его, принадлежали къ сословію такъ называемыхъ צדיקים. Елифазъ, обращаясь къ Іову, говоритъ: *прилично ли мудрому (צדיק) отпущать въ отъѣздъ мнѣнія вътреннѣя, и имъ чрево, наполненное восточнымъ вѣтромъ, доказывая (свое) такую рѣчью, отъ которой нѣтъ пользы, и такими словами, отъ которыхъ нѣтъ помощи* (15, 2. 3)? *Развѣ ты слышалъ тайны совѣтъ Божіихъ, и привлѣкъ къ себѣ премудрость (חכמה)? Что знаешь ты, чего бы не знали мы? что разумеешь ты, чего не было бы у насъ* (15, 8. 9)? Софаръ также относится къ Іову, какъ къ мудрому, только потерявшему сознаніе о себѣ *Иустословіе твое, говоритъ Софаръ, заставитъ и мѣ*

жеи молчать, чтобы ты говорилъ: ученіе (פֶּדָה doctrina, scientia, Притч. 1, 5. 9, 9. Исai. 29, 24) мое вѣрно (11, 3. 4). О! когда бы Богъ явилъ тебѣ тайны Премудрости! срубными мѣрами открылось бы самосущее (5. 6). Уже ли хочешь постигнуть Бога? уже ли хочешь дойти до совершенства Всемоущаго (7). Высоко небо: что ты сдѣлаешь? Глубже преисподней: что ты узнаешь (8)? Какъ къ мудрымъ и Іовъ обращается къ друзьямъ своимъ. Выслушавъ первыя три рѣчи ихъ, съ нѣкоторою пропіей замѣчаетъ: подлинно, вы народъ весь, и съ вами умретъ премудрость (פֶּדָה)! Потомъ говорить о себѣ: и у меня, какъ у васъ, сердце есть; я не паду предъ вами: и у кого не найдется такое нѣчто (12, 2. 3)? Сколько вы знаете, говорить далѣе, знаю и я, я не отсталъ отъ васъ (13, 2). Видя въ отвѣтахъ своихъ друзей только одно хитросплетеніе ума, Іовъ говорить имъ: о, если бы вы только молчали! это вамъ было бы влѣчено въ мудрость (13, 3). Выслушавъ по разу всѣхъ трехъ друзей, и Елифаза въ другой разъ, и не убѣждаясь ихъ доводами, говорить имъ: всѣ вы, сколько бы разъ не выступали, я не найду мудраго (פֶּדָה) между вами (17, 10). Выслушавъ третью рѣчь Виллада и находя въ ней слишкомъ слабое представленіе величія Божія, которымъ тотъ хотѣлъ разрѣшить спорный вопросъ, Іовъ съ пропією замѣчаетъ ему: какой подаль ты совпѣлъ неразумію, и показалъ мудрость великую (26 3)! Когда друзья съ полною самоуверенностію настаивали на своемъ мнѣніи, какъ бы постигнувъ самую премудрость, Іовъ старается убѣдить ихъ, что человѣкъ можетъ проникать въ нѣдра земли и добывать оттуда металлы и дорогіе камни, но мѣсто, откуда

приобрѣтается премудрость, утасно отъ него (28, 12. 21); *одинъ только Богъ выдаетъ мѣсто ся* (23) *и знаетъ ее* (27). Эліуй, вступая въ бесѣду Іова съ друзьями, объясняетъ имъ, что онъ, какъ младшій лѣтями, *робѣлъ и боялся открывать предъ ними знаніе свое* (27), думая про себя: *пусть говорятъ дни, и множество проповѣдуетъ мудрость* (32, 7. 8). Потомъ говоритъ имъ: *не говорите: мы нашли мудрость* (14); *открою знаніе мое и я* (18). Обращаясь къ Іову, говоритъ: *выслушай, Іовъ, рѣчи мои* (33, 1); *уста мои чисто выскажутъ то, что я знаю* (3); за тѣмъ, въ концѣ первой рѣчи своей присовокупляетъ: *если есть слова, то возражай миѣ; а если нѣтъ, то слушай меня; молчи, и буду учить тебя мудрости* (33, 32. 33). Обращаясь къ друзьямъ Іова, говоритъ въ 34, 2: *выслушайте мудрые* (פְּלִיטִים), *и приклоните ко мнѣ ухо разсудительные* (שְׁמֵעִים זָכִים) *знающіе, обладающіе знаніемъ, Kundige*), и въ 10 ст. *послушайте меня люди умные* (אֲנֹכִי לְבָבִים) *люди мысли, разсужденія, ума*). Въ послѣдней рѣчи своей обращая вниманіе Іова на дѣла Творческаго могущества и премудрости (36, 26—37, 14), говоритъ ему: *знаешь ли, какъ Богъ творитъ оныя? понимаешь ли, какъ висятъ облака и проч.* (37, 15. 16)? И въ заключеніи, какъ послѣдній результатъ человѣческой мудрости, выражаетъ такое убѣжденіе (37, 23. 24): *Вседержитель! мы не постигаемъ Его! И такъ, да благоговѣютъ предъ Нимъ человеки! Онъ не взираетъ ни на кого изъ высокоумныхъ* (לֹא יִבְטֵחַ בְּחָכְמָם). — Наконецъ, и Іегева относится къ Іову, какъ къ человѣку мысли и разсужденія, אִישׁ לֵבָב. *Кто сей дерзавшій затмилъ оправданіе Свѣтъ словыми безъ знанія* (38, 2)? Препояши какъ мужъ

чреда твои, и что спрошу у тебя, объясни Мнѣ (3). За тѣмъ требуетъ объяснить дѣйствія всемогущества и премудрости Божіей, открывающіяся въ твореніи міра и бытіи вещей. Обѣ рѣчи Іеговы суть не что иное, какъ испытаніе Іова въ его знаніи и мудрости, послѣ котораго Іовъ торжественно исповѣдуется, что онъ говорилъ то, чего не понималъ, и что есть много чудесъ, которыя выше его разумѣнія (42, 3), и проситъ Бога научить его (4).

Характеръ всѣхъ бесѣдъ ясно показывается, что это не простой, вызванный случаемъ разговоръ между людьми только разсуждающими, но разсужденіе между лицами, коимъ оно свойственно было по самому ихъ званію и роду занятія, между лицами, посвятившими себя изученію вещей божественныхъ и человѣческихъ и пріобрѣтшими разнообразныя свѣдѣнія въ нихъ, знакомыми съ разными пріемами діалектики, установившимися въ извѣстныхъ понятіяхъ о предметахъ, ими изслѣдуемыхъ, и проч. Показавши дѣйствія Вседержителя въ отношеніи къ людямъ, употребляемые для ихъ обращенія и исправленія, Елифазъ говоритъ Іову: *вотъ то, что мы изслѣдовали; это вѣрно; внемли сему, замлъ и ты для себя* (5, 27). Въ свою очередь и Іовъ, представивши свои наблюденія, говоритъ друзьямъ своимъ: *все это видѣло око мое, слышало ухо мое, и замътило для себя* (13, 2). Разсужденія Іова авторъ книги называетъ *חִשְׁבֹּן* (27, 1. 29, 1), — такимъ словомъ, которое означаетъ рѣчь свойственную мудрымъ, въ извѣстной формѣ выражающую мысли и разсужденія ихъ (*Gesenii Thesaur. phil. crit. linguae hebr. et chald.* p. 828; *Fürst, hebr. chald. Handwörterbuch*, B. 1. s. 799).

Такимъ образомъ, Іовъ и собесѣдники его составляли об-

щество людей, называвшихся חֲכָמִים. חֲכָמִים это חָכָם וְיָשָׁר люди мыслящие, рассуждающие, принимающие все съ разсужденіемъ, люди посвятившіе себя изслѣдованію вещей божественныхъ и человѣческихъ (34, 10), это יָדָעִים знающіе, приобрѣтшіе познанія въ вещахъ божественныхъ и человѣческихъ, наблюденіемъ, опытомъ, дознаніемъ достигшіе вѣрнаго познанія о предметахъ, и проч. Цѣль или задача ихъ—приобрѣтеніе мудрости—חָכְמָה. Мудрость חָכְמָה на языкѣ нашихъ мудрыхъ означаетъ такое познаніе существующаго, которое согласно съ мыслию Вседержителя. Елифазъ, отрицая сужденія Іова, говоритъ ему: *развѣ ты слышалъ тайный совѣтъ Божій, и привлекъ къ себѣ премудрость* (15, 8)? Этотъ классъ людей соотвѣтствуетъ тому, который у грековъ въ то время назывался *философами*, *любомудрами*, хотя въ направленіи нашихъ мудрецовъ и греческихъ любомудровъ крайняя противоположность. Тѣ отъ вещей видимыхъ искали первоначальной причины всего существующаго; а наши мудрецы, зная Самосущаго, хотѣли видѣть и уразумѣть Его проявленіе во всемъ существующемъ. Правильнѣе наши мудрецы могутъ быть названы *Теософами*.

Какой источникъ знанія и мудрости у этихъ мудрыхъ людей (חֲכָמִים)?

1. По разсужденію Іова, никто не знаетъ, откуда приобрѣтается премудрость и гдѣ мѣсто разума (28, 12); одинъ только Богъ знаетъ путь ея и вѣдаетъ мѣсто ея (23). Потому *у Него премудрость и сила, у Него совѣтъ и разумъ* (12, 13). Тоже самое выражаетъ Елифазъ, когда говоритъ Іову: *развѣ ты слышалъ тайный совѣтъ Бо-*

жій и привлечь къ себѣ премудрость (15, 8)? Какимъ же образомъ премудрость, вѣдомая и присущая одному Богу, сообщается людямъ? а) Естественнымъ образомъ чрезъ врожденную людямъ отъ Бога способность разумѣнія: *Духъ есть въ челоуѣкъ*, говоритъ Эліуй, *и дыханіе Вседержителяво, дающее ему разумьніе* (31, 9). Это же самое разумѣть и Іовъ, когда говоритъ друзьямъ своимъ: *и у меня, какъ у васъ сердце* (כֶּלֶם) *есть* (12, 3 слч. съ 2). כֶּלֶם органъ сознанія и мышленія, Исаі. 10, 7. 1 Цар. 29, 18. 3 Цар. 10, 2. Суд. 26, 17; отсюда выраженіе у Іова: *премудръ сердцемъ* כֶּלֶם וְחָכְמָה. Т. е. первый и естественный источникъ, которымъ пріобрѣтается познаніе о вещахъ, есть разумъ, данная отъ Бога челоуѣку способность разумѣнія существующаго. Но чтобы эта способность правильно дѣйствовала въ насъ и достигала своей цѣли, требуется чистое и непорочное сердце (33, 3. 36, 4 и др.). б) Какъ Іовъ, такъ и друзья его, вѣрили и въ непосредственное наставленіе отъ Бога, которое бываетъ во снѣ, въ ношномъ (33, 15. 16) или въ полусонномъ состояніи, между сномъ и бодрствованіемъ (4, 12—16), и пр.

2. Вторымъ авторитетнымъ источникомъ знанія и мудрости наши мудрецы считали для себя древнее преданіе, или свидѣтельство отцовъ, и въ связи съ нимъ ученіе старцевъ. *Спроси*, говоритъ Вилдадь Іову, *у первобытнаго рода, и приложи вниманіе къ наблюденіямъ отцовъ; ибо мы вчерашніе, и ничего не знаемъ, ибо дни наши на земль—тьнь; не они ли учатъ тебя? они говорятъ тебѣ, и изъ сердца своего произнесли слова* (8, 8—10). Во второй рѣчи своей Елифазъ говоритъ Іову: *что знаешь, чего бы не знали мы? что разумьешь ты, чего*

не было бы у насъ? И сьдовласый и старецъ есть между нами, днями превышающій отца твоего (13, 9—10). Не одинаково впрочемъ относится къ этому авторитетному источнику Іовъ и друзья его. Въ то время, какъ Елифазъ, Вилдадь и Софаръ показываютъ безусловное къ нему довѣріе, Іовъ замѣчаетъ имъ, что слова другихъ надобно принимать съ разборомъ, точно такъ же, какъ уста отвѣдываютъ пищу себѣ, и что мудрость не въ старцахъ и разумъ не въ долголѣтнихъ, а у Бога (12, 11—13). То же убѣжденіе высказываетъ и Эліуй, когда говоритъ, что не многолѣтныя только бываютъ мудры, и не старики одни разумѣютъ правду (32, 10).

3. Видимая природа и исторія человѣчества служили для нашихъ мудрыхъ богатымъ источникомъ знанія и мудрости. Іовъ говоритъ: *спроси у скота, и научитъ тебя; и у птицы небесной, и возвеститъ тебѣ; или побесѣдуй съ землею, и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія. Кто изъ всего этого не позналъ бы, что рука Господня творитъ сіе? Въ Его рукѣ душа всего живущаго, и духъ всякой плоти человѣческой* (12, 7—10). Эліуй, изобразивши величіе и премудрость Бога въ дѣлахъ творенія и промышленія Его о тваряхъ, обращаясь къ Іову, говоритъ ему: *внимай сему, Іовъ, стой, и созерцай чудеса Божіи* (37, 14). Міръ физическій съ его явленіями въ пространствахъ небесныхъ и земныхъ и въ естествѣ человѣческомъ, составлялъ особенный предметъ изученія и наблюденія нашихъ мудрецовъ, такъ какъ они видѣли въ немъ печать величія Божія, проявленіе творческой силы, всемогущества, премудрости, всевѣдѣнія, благодати и правды Вседержителя. Къ нему они

постоянно обращаются въ своихъ рѣчахъ, для того чтобы дѣйствіями Вседержителя во вселенной объяснить дѣйствія Его въ управленіи міромъ нравственнымъ, и изображеніемъ величія Его возбудить благоговѣніе къ Нему и смиреніе предъ непостижимыми путями Его (9, 4—10. 11, 6—10. 25, 2—8. 26, 5—14. 36, 24—37, 25). Другою книгою, по которой наши мудрецы изучали дѣла божественнаго міроуправленія, служила исторія человѣческая. Къ ней они не рѣдко обращаются, указывая въ судьбахъ народовъ и людей дѣйствія Вседержителя управляющаго міромъ (наприм. 12, 17—25. 20, 4. 22, 15—20. 34. 20—29). Въ связи съ исторіею прошедшаго, и современныя явленія жизни человѣческой были предметомъ наблюденія и изученія и богатымъ источникомъ знанія и опытности для нашихъ мудрецовъ (5, 3—5. 8, 11—19. 9, 22—24. 15, 17—35. 18, 5—21. 21, 7—33. 24, 2—24 и др.), хотя Іовъ и друзья его въ данномъ случаѣ не съ одинаковою зоркостію и проищательностію читали этотъ дневникъ дѣлъ человѣческихъ и потому расходились въ пониманіи смысла его.

4. Наконецъ, мудрецы наши были знакомы и съ священными книгами народа еврейскаго, заключающими въ себѣ откровеніе Божіе. Не принадлежа еврейскому племени, и находясь вѣкъ завѣта Іеговы, они, съ своей точки зрѣнія, не иначе могли смотрѣть на пророковъ этого завѣта, какъ на мудрецовъ חכמים (15, 18) ¹⁾. Можемъ

¹⁾ 15, 18: חכמים אלה אשר לא יגלוּ אֶת־מִצְוַת־יְהוָה אֲשֶׁר־נָתַן לְיִשְׂרָאֵל. Можно перевести: что мудрые возвестили и не скрыли отъ отцевъ своихъ, или что мудрые возвестили и не скрыли какъ принятое отъ

считать несомнѣннымъ, что мудрымъ нашей книги были извѣстны книги закона Моисеева, какъ это видно изъ приводимаго Елифазомъ изображенія судьбы нечестивыхъ по кн. Левить 26, 16—37 ср. Іов. 15, 20—30. Несомнѣннымъ также считаемъ, что извѣстны имъ были писанія Соломоновы, какъ можно заключать изъ изображенія Іовомъ премудрости (28, 12—28), которое встрѣчается только въ Притчахъ и составляетъ характеристическую черту ученія Соломонова, и котораго авторъ не вложилъ бы въ уста Іова, если бы не представлялъ, что оно было ему извѣстно. Вѣроятно, были извѣстны имъ и другія свящ. книги народа еврейскаго.

Чтобы познакомиться ближе съ нашими мудрецами, изложимъ ихъ ученіе относительно главнѣйшихъ предметовъ знанія и вѣры и существенныхъ вопросовъ жизни.

отцовъ своихъ. Экзегеты большею частію держатся втораго перевода, согласно מַרְבֵּרֵם съ אֲבֹתֵיכֶם. У LXX читаемъ: ἃ σοφοὶ ἀνέγχεσαν, καὶ ὅχι ἔκρυψαν πατέρες αὐτῶν, — *что мудрые возвестили и не скрыли отцы ихъ.* Въ Вульгатѣ: sapientes confitentur, et non abscondunt patres suos, — *мудрые признаются и не скрываютъ отцовъ своихъ.* Подъ מַרְבֵּרֵם Елифазъ разумѣетъ вообще пророковъ, какъ хранителей закона Іеговы, который они приняли отъ отцовъ своихъ или праотцевъ народа, въ свою очередь получившихъ его отъ Моисея. Выраженіе: *не скрыли отъ отцовъ своихъ,* равно какъ и другое: *не скрыли отцы ихъ*—противорѣчатъ естественному порядку вещей (отцы прежде сыновей своихъ). Больше естественности въ переводѣ Вульгаты, но трудно согласить его съ еврейскимъ выраженіемъ מַרְבֵּרֵם. Важность тою или другаго ученія Елифазъ опредѣляетъ древностію его (сн. 15, 7. 9. 10): потому, сила выраженія падаетъ не на то, что мудрые возвестили, а на то, что возвестили они отъ отцовъ своихъ. Такимъ образомъ второй переводъ съ еврейскаго болѣе вѣкъ другихъ согласенъ съ точкою зрѣнія Елифаза.

насколько оно может быть извлечено изъ ихъ разсужденій.

Ученіе о Богѣ. Ученіе мудрецовъ нашихъ сосредоточено на Высочайшемъ Существѣ Божіемъ. Это главный предметъ ихъ мудрости. Стремясь къ познанію Бога, они не думаютъ проникнуть въ самое Существо Божіе, которое ни для кого не постижимо, и сознаются въ безсиліи своемъ не только постигнуть Самосущее (11, 6—8), но и уразумѣть дѣла Его премудрости и всемогущества, которыя видать всѣ люди (36, 25). Софаръ говоритъ Іову: *ужели хочешь достигнуть изслѣдованія о Богѣ? ужели хочешь постигнуть совершенство Всемоущаго? Высоты неба: что ты сдѣлаешь? глубже преисподней: что ты узнаешь? длиннѣе земли мѣра Его и шире моря* (11, 7—9). *Вседержитель!*—взываетъ Эліуй,—*мы не постигаемъ Его* (37, 23)! Или, обращаясь къ Іову, который смѣло судилъ о правдѣ Божіей, вакъ бы понимая дѣла Божіи, спрашиваетъ его: *знаешь ли, какъ Богъ производитъ оныя? понимаешь ли, какъ висятъ облака, и проч.? и за тѣмъ присовокупляетъ: научи насъ, что намъ сказать Ему; мы ничею не можемъ представить отъ темноты* (37, 15—19). И самъ Іовъ того же убѣжденія, когда, изобразивши Вилдѣду величіе и всемогущество Вседержителя, говорилъ ему: *вотъ, это только края путей Его, и мы только нѣкоторый шопотъ слова Его слышимъ; а громъ могущества Его кто можетъ себя представить* (26, 14)?

Сознавая, что Богъ непостижимъ въ существѣ Своемъ, и что человѣкъ не можетъ понять, какъ совершаетъ Онъ дѣла Свои, наши мудрые выражаютъ въ своихъ бе-

сѣдахъ ясныя представленія о Богѣ какъ Вседержителѣ и Его отношеніи какъ къ міру вообще, такъ и вчастности къ людямъ и къ каждому челоѣку.

Идея Вседержителя *ⲓⲧⲏⲛⲁⲗⲁⲗⲁⲧⲟⲣ* составляетъ главное понятіе о Богѣ въ представленіи мудрыхъ. Какъ Вседержитель, Богъ *выше всего* (31, 28), Онъ есть Богъ *живой* (ⲓⲩ), имѣющій въ Самомъ Себѣ жизнь (27, 2), *вѣчный* и число лѣтъ Его неизслѣдимо (10, 5. 36, 26); живетъ *на высотѣ небесъ* (25, 2. 22, 12. 14, 26, 9), окруженъ свѣтомъ (36, 30), окрестъ Его страшное влеколѣніе (37, 22); Онъ *все видитъ и знаетъ*, зрѣтъ до концевъ земли, видитъ все, что подъ небомъ есть (28, 24), предъ Нимъ открыта пренеподняя (26, 6); *премудръ* (9, 4), и въ Немъ источникъ премудрости и разума (12, 13); *моущь силою*, предъ Нимъ устоять ничто не можетъ (9, 4); *справедливъ и нелицепріятенъ* (34, 12. 17, 19); живя на высотѣ и зная все, Онъ *судитъ* народы и каждаго челоѣка (36, 31. 9, 15. 23, 7) и каждому воздастъ должное (36, 5).

Отношеніе Бога къ міру. Онъ сотворилъ все сущее, и творитъ постоянно великое и не постижимое, и чудное безъ числа (3, 6); вся вселенная живетъ Его духомъ, такъ что если бы Онъ отнялъ отъ нея дыханіе Свое и удержалъ его въ Себѣ, то умерла бы всякая плоть (34, 13—15); Имъ управляется и движется все сущее: Онъ изводитъ небесныя свѣтила и сокрываетъ ихъ (9, 5—6); по Его маію, образуются облака, льется дождь съ небесъ (36, 27. 28), гремитъ громъ, блистаетъ молнія (37, 3—4), падаетъ снѣгъ на землю (37, 6), приходитъ бѣра и стужа (37, 9), и проч.; во гвѣѣ же (во-

емъ. Онъ низводитъ горы въ обветнаніе, потрясаетъ землю съ мѣста ея, такъ что столпы ея дрожать; укажетъ солнцу и не взоидетъ (9, 5—7), и проч.

Отношеніе Бога къ народамъ. Такимъ же полновластнымъ Вседержителемъ мудрые представляли Бога и въ отношеніи къ человѣчеству. Онъ размножаетъ народы и губить ихъ, распространяетъ ихъ и уводитъ въ плѣнъ (12, 23); ослабляетъ грозу царей, и обвязываетъ чресла ихъ поясомъ (12, 18), отнимаетъ языкъ у вѣрующихъ въ себя, и старцевъ лишаетъ смысла (12, 20); сокрушаетъ сильныхъ безъ ислѣдованія, и поставляетъ другихъ на мѣстѣ ихъ (34, 24).

Отношеніе Бога къ человеку. Между тварями, живущими на землѣ, человѣкъ представляется предметомъ особеннаго вниманія и попеченія Вседержителя. Образовавши его въ утробѣ матери, Вседержитель не оставляетъ его потомъ безъ особеннаго вниманія во всю жизнь его: видитъ всѣ пути его (31, 4), изчисляетъ всѣ шаги его (14, 16), знаетъ всѣ движенія внутренней жизни его (23, 10), и опредѣляетъ судьбу его.

О міръ высшихъ духовныхъ существъ. Кромѣ человека, по ученію мудрыхъ, есть еще высшія разумныя существа, которыя живутъ на высотѣ небесной вблизи Бога (25, 2) и озаряются свѣтомъ Его (25, 3). Они слуги (ַבְּרַכָּיָה) Бога (4, 18), воинство Его (ַאֲגִמֹתַי agmina Ejus 25, 3). Число ихъ неизчетно (25, 3. 33, 23). Находясь вблизи Бога, они ходатайствуютъ за людей, когда къ нимъ обращаются (5, 1), и указываютъ человѣку правый путь, если онъ имѣетъ между ними для себя ангела посредника

(33, 23: מַלְאָכֵי אֱלֹהִים angelus interpres, internuntius, intercessor). По нравственному совершенству своему они святы—קְדוֹשִׁים, такъ что это качество усваивается имъ какъ собственное названіе ихъ (5, 1. 15, 15); но Богъ усматриваетъ и въ нихъ недостатки (4, 18), и они нечисты въ очахъ Его (15, 15 слч. первое полустишіе со вторымъ). Въ 25 2. намекается на то, что есть нѣчто *стропотное* и въ ихъ мірѣ; но Богъ, у Котораго держава и страхъ, творить миръ (מְשַׁלֵּם שָׁלוֹם) на высотахъ Своихъ (25, 2).

Ученіе о человѣкѣ. Человѣкъ, по ученію мудрыхъ, есть твореніе Божіе (10, 3. 9—12. 14, 15); имѣетъ дыханіе Вседержителево въ себѣ, которое даетъ ему способность разумѣнія (27, 3. 32, 9) и возвышаетъ его предъ всѣми живыми тварями на землѣ. Творецъ научилъ его болѣе, нежели четвероногихъ земли, и умудрилъ болѣе, нежели птицъ небесныхъ (35, 11). Но какъ рожденный отъ человѣка, онъ не можетъ быть совершенно чистымъ предъ Богомъ (4, 17. 9, 30. 31. 14, 4. 15, 14. 23, 4). Если Богъ и въ ангелахъ Своихъ усматриваетъ недостатки, тѣмъ болѣе человѣкъ не можетъ быть чистымъ предъ Богомъ (4, 17. 18). Раждаясь отъ родителей, онъ выходитъ на свѣтъ по волѣ Творца своего (3, 20. 10, 18). Ему назначенъ опредѣленный срокъ жизни. Въ 14, 5. Іовъ говоритъ, что человѣку опредѣлены дни, отсчитано Творцемъ число мѣсяцовъ, проведены черты, которыхъ онъ не переступить. (п. 22, 21. Послѣ назначеннаго срока жизни, человѣкъ нисходитъ въ преисподнюю—יָרַד).

Ученіе о шеолѣ. Шеолъ—мѣсто пребыванія всѣхъ душъ по разлученіи ихъ съ тѣлами, домъ собранія всѣхъ

живущиго (30, 33), называется *странною тьмою и сныи смертною*, *идь нить устройства и такъ събыте какъ во мракъ* (10, 21, 22). Сходя въ шеоль, все уравниваются въ своемъ состоянн; *малыи и великии тьмою оди и тоже*; узники и рабы гамъ вмѣстѣ съ царями и князьями (3, 13—19). Сшедшиє туда не знаютъ, что дѣлается на землѣ, какая участь постигаетъ ихъ потомство (14, 21). Это—состояніе покоя, бездѣйствія состояніе безсознательное, похожее на состояніе человѣка во снѣ (3, 13), которое *однакожь не означать прекращенія бытія* (Екклез. 9, 10).

Знали ли наши мудрые о воскресеніи и будущей жизни? Они вѣрили, что, по разлученіи съ тѣломъ, душа не уничтожается и продолжаетъ существовать въ шеоль по что она снова возвратится къ жизни—это не было имъ извѣстно. Въ 7 гл. Іовъ, обращаясь къ Богу, говорить, *вспомни, чтоо дуновение жизни мое, и что око мое не возвратится видѣть добро* (7, 7). *Исчезаетъ облако и уходитъ; такъ и снисшедшій въ преисподнюю не востанетъ; уже не возвращается въ домъ свой* (тѣлю своему 4, 19), и *мысто его уже не знаетъ его* (7, 9—10). Въ 10 гл. Іовъ молитъ Бога сложить съ него тяжесть страданій, чтобъ ему порадоваться не много, *пржеде нежели, говорить, отъиду, и уже не возвращусь* (10—21). Еще полнѣе выражена мысль объ окончаніи всѣхъ надеждъ человѣка съ настоящею жизнью въ 14 гл. Іовъ говорить *такъ! есть надежда дереву, если срублено, что снова оживетъ, и отрасли отъ него не прекратятся. Тогда какъ состарѣлся корень его въ землѣ, и пень его умнораетъ въ прахъ. почувавъ зоду, оно дастъ отпрыски, и*

пустить вѣтви, какъ новопосаженное. А человекъ умираетъ.. и простерся, и духъ испустилъ человекъ, и идетъ онъ?.. Уходятъ воды изъ озера, и рѣка изсякаетъ и высыхаетъ. Такъ человекъ ляжетъ и не встанетъ; пока будетъ небо ¹⁾, они не пробудятся и не воспрянутъ отъ сна своего (14, 7 - 12). Далѣе, Іовъ выражаетъ, что онъ готовъ бы примириться съ своимъ страданіемъ, если бы Богъ изъ преисподней снова возвратилъ его къ жизни и явилъ Свою любовь къ созданію Своему. *О! если бы сокрылъ меня въ преисподней, укрывалъ меня пока простелъ бы тѣло Твое, положишь срокъ мнѣ, потому вспомнилъ о мнѣ! Если бы это могло быть, тогда я во все дни воинской службы моей ожидалъ бы, пока придетъ мнѣ смерть. Позвалъ бы Ты и я далъ бы Тебѣ Antwortъ; къ творенію рукъ Твоихъ Ты возжелалъ бы (13—15)* Но здѣсь мысль Іова не о воскресеніи въ нашемъ смыслѣ, послѣ котораго наступитъ другая жизнь, отличная отъ настоящей, когда праведные и грѣшные получаютъ заслуженное воздаяніе, а о временномъ возвращеніи изъ шеола въ ту же жизнь для наслажденія благами ея, въ которомъ теперь отказано ему. Но Іовъ не признаетъ и этого возможнымъ. *Гора упавшая, говоритъ онъ исчезаетъ, и скала сдвинувшаяся съ мѣста своего; вода стираетъ камни, разливъ ея потопляетъ пыль земную; такъ и надежду человека Ты уничтожаешь Тышшишь его до конца, и онъ уходитъ (אֲבִירָא abire se in orbem, perire, mori, Ис. 38 14, Быт. 13, 2): измѣняешь ему лице и отсылаешь его*

¹⁾ עַד-בִּלְתִּי עַד-בִּלְתִּי пока будетъ небеса; עַד-בִּלְתִּי quamdiu
Вѣчность неба Ис. 88, 30 37 38 148 6 71 7 Іер. 31 36

(18—20). Въ 16, 21 Іовъ проситъ Бога чтобы Онъ разрѣшилъ теперь же споръ его съ друзьями, *ибо, говорить, не многому числу лѣтъ конецъ приходитъ, и я отхожду въ невозвратный путь* (ст. 22). Въ 17, 13, Іовъ видя близость разрушенія тѣлеснаго состава своего, говорить: *если я чаю, то преисподней, моего дома; ст. 15 идъ послѣ этого надежда моя? въ область преисподней сойдетъ,— тамъ вмѣстѣ упокоимся въ прахъ.*

Послѣ столь ясныхъ выраженіи Іова о загробной участи своей, трудно предположить, чтобы въ 19, 25—29 говорилъ онъ объ Искущеніи, о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ въ послѣдній день міра и о послѣднемъ страшномъ судѣ, на которомъ грѣшные и праведные получаютъ заслуженное воздаяніе, и проч., какъ трактуютъ въ своихъ системахъ католическіе и лютеранскіе догматики, слѣдуя—первые—переводу бл. Іеронима, а вторые—Лютера ¹⁾. Если бы Іовъ въ 19, 25—29 высказалъ свои убѣжденія въ такихъ высокихъ и важнѣйшихъ истинахъ христіанской вѣры, тогда это мѣсто заключало бы

¹⁾ Въ переводъ бл. Іеронима это мѣсто читается такъ въ 25: *Scio enim, quod Redemptor meus vivit et in novissimo die de terra resurrecturus sum. Vs. 26: et rursum circumdabor pelle mea et in carne mea videbo Deum meum. Vs. 27: Quem visurus sum ego ipse et oculi mei conspecturi sunt, et non alius—reposita est haec spes mea in sinu meo.* По переводу Лютера: *Aber ich weiss, das mein Erlöser lebt, und er wird mich hernach aus der Erde auferwecken Und werde darnach mit diese meiner Haut umgeben werden, und werde in meinem Fleisch Gott sehen Denselben werde ich mir sehen, und meine Augen werden ihn schauen und Kein Fremder; meine Nieren sind verzehret in meinem Schoos.*

самое широкое по содержанию пророчество о новозавѣтномъ домостроительствѣ, какого мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ пророковъ народа еврейскаго. Но такое прозрѣніе Іова въ будущее не гармонируетъ съ тономъ и содержаніемъ всѣхъ рѣчей его. Будь открыта ему тайна искупленія, воскресенія мертвыхъ и суда, тогда онъ примирился бы легко съ своею судьбою (14, 13); зная о другой жизни по выходѣ изъ шеола, о будущемъ судѣ и воздаяніи, Іовъ не спрашивалъ бы, *за чѣмъ Богъ даетъ страданію свѣтъ и жизнь горькимъ душамъ* (3, 20),—не жаловался бы на Бога, почему Онъ лишилъ его заслуженнаго его добродѣтельною жизнію воздаянія (7, 3. 10. 20. 30, 24—26 и др.), тогда всѣ вопли противъ Бога, которыми наполнены рѣчи его, были бы худю противъ Вседержителя своего, которой домогался сатана.

Скажутъ, что прозрѣніе Іова въ будущее явилось въ его сознаніи уже поздно, въ концѣ втораго ряда бесѣдъ съ друзьями; потому всѣ его жалобы и возраженія до этого прозрѣнія объясняются естественнымъ образомъ. Но измѣнились ли взгляды Іова на жизнь и конецъ ея послѣ этого прозрѣнія? Примирился ли Іовъ съ тѣми явленіями счастья и несчастія, которыя представлялись ему противорѣчащими понятію о правдѣ Божіей? Не дальше, какъ въ слѣдующей рѣчи, въ 21 гл., Іовъ выражаетъ свое удивленіе предъ тѣмъ явленіемъ, что беззаконные на землѣ благоденствуютъ (7—16), прощически посмѣвается надъ обличеніями друзей, которые представляли, что счастье ихъ только кажущееся, что оно не прочно и проч. (17—22), а въ заключеніе говоритъ: *одино умириваетъ съ самою пол-*

нотъ своей, во всемъ довольствіи и спокойствіи; а другой умираетъ въ горести души и не вкусивъ добра; вмѣстѣ они будутъ лежать въ прахъ, и червь покроетъ ихъ (23—26). Также самая мысль выражается Іовомъ далѣе въ 32 и 33 ст. Въ 24 гл. изображая разныя несправедливости, притѣсненія и беззаконія на землѣ, Іовъ спрашиваетъ. *почему Вседержителемъ не положены времени суда, и знающихъ Его не видятъ дней Его (1)?* Іова поражаетъ въ особенности то, что эти нечестивые умираютъ спокойно, тогда какъ они достойны того, чтобы потреблены были съ лица земли (ст. 19. 20. 24). Въ 30 гл. Іовъ говоритъ Богу: *такъ! я знаю, Ты ведешь меня къ смерти, и въ домъ собранія всѣхъ живущихъ. Да, напрасны молитвы, когда Онъ простеръ руку; напрасно вопіять, когда Онъ губитъ. Какъ не плакать мнѣ въ тяжелой годинѣ! Какъ не скорбѣть душѣ моей убойю! Ибо чинамъ я добра, и пришло зло; и ждалъ свѣта, а пришелъ мракъ, и проч. (23—26).* Всѣ эти жалобы и возгласы должны представляться странными и не естественными, послѣ того, какъ Іову открылась тайна искупленія, воскресенія и будущаго суда. Откройся Іову эта тайна, тогда весь горизонтъ внутренней жизни и вѣшняго бытія озарился бы предъ нимъ не обычнымъ свѣтомъ, тогда все для Іова было бы ясно, тогда не было бы надобности Іову ни въ рѣчахъ Эліу, ни въ явленіи Іегевы.

Скажутъ еще, что мысль объ Искупителѣ, воскресеніи мертвыхъ и послѣднемъ страшномъ судѣ явилась въ сознаниі Іова, какъ мгновенное озареніе слыше, которое

тотчасъ же исчезло, какъ только Іовъ среди тяжкихъ страданій своихъ устремилъ свой взоръ на печальное положеніе свое. Можно спросить догматистовъ, что они приобретають для своей системы отъ такого мнѣнія древняго праведника которое высказано имъ безъ всякаго сознанія, какъ бы въ бреду, и не оставило по себѣ въ его сознаніи никакого слѣда?... Нѣтъ, то, что высказываетъ Іовъ въ 19, 25 — 29, высказываетъ съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ, съ твердымъ убѣжденіемъ, съ полною увѣренностію, своею ственною праведнику—страдалицу, крѣпко вѣрующему въ своего Бога. Онъ столько убѣжденъ въ своихъ словахъ что желаетъ, чтобы они были начертаны въ книгѣ, желѣзнымъ рѣзцомъ вырѣзаны на скалѣ, и оловомъ вылиты на вѣчное время (19, 23. 24). *Я знаю* (אֲנִי יָדָעַתִּי), говоритъ, то есть, *твердо убѣжденъ*; и потомъ, выразивши свое убѣжденіе, присовокупляетъ: *истасваютъ внутренности мои* (צָאֵנִי מִן־בִּטְנִי) *въ груди мои*. Чего же чаялъ Іовъ?

Вся ошибка догматистовъ происходитъ изъ того, что изъясняютъ это мѣсто нисколько не соображаясь съ контекстомъ не только цѣлой книги, но даже главы (19), въ которой оно находится Въ страданіяхъ Іова самую тяжелою раною была та которую наносили ему друзья, обращааясь съ нимъ какъ съ отверженнымъ отъ Бога, и утверждая, что онъ наказывается за грѣхи. Іовъ самъ признавался, что *если бы только не эти ругательства (друзей) надо мною; то во время прекословія ихъ спокойно уснуло бы око мое* (17, 2). Убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, Іовъ не разъ умолялъ ихъ бытъ къ нему снисходительнѣе, предостерегалъ ихъ, что Богъ строго накажетъ ихъ за ихъ несправедливостъ (13, 10), и пред-

ставлялъ имъ, что готовъ стать на судъ предъ Богомъ (18). Друзья, между тѣмъ, принимая слова страдальца за личное оскорбленіе, только болѣе растрavляли его раны своими укоризнами и ругательствами. Въ 16 главѣ Іовъ представляетъ друзьямъ своимъ, что Заступникъ его на небесахъ, и онъ молить Его разрѣшить возникшую между ними распрю прежде, чѣмъ окончится жизнь его: *и нынѣ, говорилъ онъ, вотъ на небесахъ Свидѣтель мой, и Заступникъ мой не превыспреннихъ! Ругатели мои друзья мои; къ Богу каплетъ око мое, чтобы Онъ рѣшилъ эту прю между человекомъ и Богомъ, между сыномъ Адамовымъ и другомъ его; ибо не многому числу лѣтъ конецъ приходитъ, и я отхожду въ невозвратный путь* (16, 19—22); дальше выражаетъ увѣренность, что *Богъ не дастъ имъ восторжествовать* (17, 4). Въ 18 гл. Вилладъ продолжаетъ тотъ же рѣзкій тонъ обращенія и еще съ большимъ, чѣмъ прежде, негодованіемъ высказываетъ свои замѣчанія Іову. Въ 19 главѣ Іовъ, представивъ друзьямъ самую печальную картину своего страдальческаго положенія, которая должна бы тронуть ихъ,—а они вмѣсто того обратились въ самыхъ лютыхъ для него враговъ,—выражаетъ увѣренность, что этотъ превыспренній Заступникъ явится наконецъ на землѣ и покажетъ его справедливость. Въ чувствѣ своей невинности, и вѣруя, что съ настоящею жизнію все оканчивается, безжалостно преслѣдуемый друзьями, Іовъ никакъ не могъ представить, чтобы Богъ, праведный Судія, не показалъ имъ наконецъ, что справедливость на его сторонѣ (ст. 28) и что они поступали съ нимъ жестоко и не справедливо (ст. 29). *Вы, говорить, преслѣдуете меня* (ст. 22), *а я знаю* (עָדָנִי), *что*

защитникъ мой (לְשָׂאָה) ¹⁾ живъ (חַי) и наконецъ (וְאַחֲרָיִם) ²⁾ на землѣ (עַל-פָּנֶיךָ) ³⁾ явится (וַיֵּרָא) ⁴⁾. И послѣ того

¹⁾ לְשָׂאָה (прпч. отъ гла. לָשָׂא назадъ возвратилъ, выкупилъ, освободилъ, отпустилъ) означать того, кто возстановляетъ права другаго, выкупомъ, защитою, местию или инымъ образомъ; отсюда לְשָׂאָה значить *искупитель* или дѣлающій выкупъ (Лев. 25, 25. 26. 48. 49. Руо. 4, 3. 6, спаситель, избавитель, защитникъ (Лев. 31, 11. Ис. 106, 2. Быт. 48, 16. Осн 13, 14), мститель за кровь (Числ. 35, 12. 19. Втор. 19, 6. 12) и пр. Богъ называется לְשָׂאָה какъ избавитель евреевъ изъ Египта (Исх. 6, 6), изъ Вавилона (Исаи. 43, 1), какъ спаситель Иереміи изъ ямы, въ которую бросили его соотечественники (Плач. 3, 58), какъ защитникъ за сиротъ, притѣняемыхъ богатыми и сильными (Притч. 23, 11) и проч. Юувъ называетъ Бога לְשָׂאָה, потому что надвѣлся, что Онъ избавитъ его отъ постигшихъ бѣдствій и защититъ отъ обидъ, которыя терпѣлъ отъ друзей.

²⁾ וְאַחֲרָיִם послѣдующій, послѣ кого или чего слѣдующій (Исх. 4, 8. Втор. 24, 3), и послѣдній, послѣ чего въ извѣстномъ порядкѣ ничего не слѣдуетъ (2 Цар. 19, 12). Относясь къ глаголу וַיֵּרָא или какъ его подлежащее или какъ опредѣлительное нарѣчіе, оно даетъ рѣчи смыслъ такой: и послѣдній Онъ (לְשָׂאָה защитникъ) между бесѣдующими, т. е. послѣ всего напраснаго спора нашего, *нако слѣдуетъ, наконецъ*, явится, чтобъ защитить мое дѣло. Слово это прямымъ образомъ указываетъ на явленіе Бога Юуву послѣ разсужденій всѣхъ собесѣдниковъ.

³⁾ עַל-פָּנֶיךָ на землѣ. פָּנֶיךָ не однократно употребляется въ нашей книгѣ въ значеніи земли какъ orbis terrarum (3, 6. 8, 19, 28, 2. 30, 6. 39, 14. 41, 25). На землѣ явится—соотвѣтствуетъ прежде употребленному выраженію о Заступникѣ (16, 19): на небесахъ Свидѣтель мой, и Заступникъ мой на превысшнихъ, и общему представленію мудрыхъ о пребываніи Бога на небѣ.

⁴⁾ וַיֵּרָא всталъ, поднялся; весьма часто употребляется въ значеніи — *возстанъ на защиту кого, на помощь кому* (Числ. 10. 33. Ис. 3, 8. 7, 7. 9, 20. 16, 13. 67, 2); значить иногда и *возстать изъ мертвыхъ* (Юв. 14, 12).

какъ истлѣли кожа моя (וְעַרְוִי נִקְרַפָּה וְאֵינִי), и безъ плоти моеи (וְלֹא־בָּשָׂר) ¹⁾ я увижу Бога (אֶחְזֹק אֱלֹהִים). Котораго я увижу для меня (אֶחְזֹק אֱלֹהִים לִי), и глаза мои будутъ видѣть, а не другой; истекаютъ внутренности мои въ груди мои. Последнимъ выраженіемъ—для меня לִי Іовъ хочетъ сказать, что онъ будетъ видѣть Бога не со стороны, когда бы Богъ пришелъ къ другому кому, но что Богъ явится именно для него, ради его, по его призыву, чтобы защитить отъ нападенія друзей. Поэтому, обращаясь къ друзьямъ, говоритъ: *тогда скажете, за чѣмъ мы преслѣдовали его? Тогда справедливость откроется на моей сторонѣ; тогда узнаете, что жестокость есть грѣхъ достойный мщенія Божія* (28. 29).

Это предзрѣніе не есть пророчество, а естественное предчувствіе праведной души, глубоко вѣрующей въ справедливость своего Вседержителя и своего дѣла. Событіе этого предчувствія относится именно къ явленію Іеговы изъ вихря бурнаго. Все, чего желалъ и чаялъ Іовъ, исполнилось: *прежде, говоритъ онъ Іеговѣ, я слышалъ о Тебѣ ухомъ, а нынѣ моими глазами* (сн. 19, 27) *вижу Тебя* (42, 5). Друзья Іова обличены Богомъ въ своей не-

¹⁾ Эти выраженія указываютъ на то, что выше сказано въ ст. 20: *съ кожею моею и съ плотию моею срослись кости мои, и остаюсь только съ кожею на зубахъ моихъ*, т. е. кожа и плоть истлѣли, такъ что едва прикрываютъ собою кости. Первое полустишіе слово въ слово можетъ быть переведено такъ: *а послѣ кожи моеи—истлѣли это* (Іовъ говоритъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ). וְעַרְוִי *безъ плоти моеи*. וְלֹא съ значеніемъ *безъ* встрѣчается въ нашей книгѣ 11, 13. 21, 9. Быт. 27, 39.

справедливости, и гнѣвъ Божій на нихъ отвращенъ только молитвою праведнаго Іова (42, 7—9).

Такимъ образомъ еврейскій текстъ разсматриваемаго нами мѣста не содержитъ въ себѣ тѣхъ пророческихъ мыслей, которыя хотятъ видѣть въ немъ догматисты. Еще менѣе благопріятствуетъ такому изъясненію переводъ LXX. Въ греческой Библии мѣсто это читается такъ: *Οἷδα γὰρ ὅτι ἀνναός ἐστιν ὁ ἐκκλίνει με μέλλων ἐπὶ γῆς ἀναστήσει δὲ μοῦ τὸ δέρμα τὸ ἀναντλῶν ταῦτα. Παρὰ γὰρ Κυρίου μοι ταῦτα συνετέλεσθη, ἃ ἐγὼ ἐμαυτῷ συνεπίσταμαι, ἃ οἱ ὀφθαλμοί μου ἑώρακασιν, καὶ οὐκ ἄλλος· πάντα δὲ μοι συνετέλεσται ἐν κόλπῳ. Я знаю, что вѣнѣтъ Тотъ, который разрышитъ ¹⁾ меня на землю (ἐπὶ γῆς): Онъ возстановитъ ²⁾ кожу мою терпящую сіе. Ибо отъ Господа мнѣ это прилучилось, — это я въ себѣ самомъ чувствую, это глаза мои видѣли, а не другой кто: все же мнѣ совершилось въ нѣдрѣ. Отличіе греческаго перевода отъ еврейскаго подлинника заключается въ томъ, что по греческому переводу Іовъ надѣется на возстановленіе своего здоровья прежде смерти; такую надежду имѣетъ потому, что убѣжденъ, что всѣ испытываемыя имъ страданія ниспосланы отъ Бога. По еврейскому же тексту, Іовъ не ожидаетъ выздоровленія, но предчувствуетъ, что, не смотря на истлѣніе кожи и плоти, онъ все-таки не умретъ, не увидѣвъ Бога, Который явится наконецъ на его призывъ и разрѣшитъ прою его съ друзьями.*

Въ разсужденіи разсматриваемаго мѣста книги Іова, считаемъ особенно важнымъ мнѣніе св. Златоуста. Св.

1) Ἐκκλίνει разрѣшать, освобождать, развязывать, выводить изъ узницы, искуплять, ослаблять, обезсиловать

2) Ἀνίστημι возставаю, возстановляю, возбуждаю

Златоустъ, представляя смущеніе Іова, коему онъ подвергался во время своихъ страданій, могущес показаться для кого либо признакомъ малодушія, объяснялъ оное тѣмъ, что Іовъ ничего не зналъ о воскресеніи. «Люди, писалъ онъ во второмъ письмѣ къ диакониссѣ Олимпіадѣ, не знающіе за собою ничего худаго, украшенные добродѣтелями, если и терпятъ несчастіе, по крайней мѣрѣ знаютъ учене о воскресеніи, могутъ разсуждать о будущихъ наградахъ, а потому знаютъ также, что постигающія ихъ несчастія служатъ имъ залогомъ безчисленныхъ вѣнцовъ. Но Іовъ былъ праведникъ, и ничего не зналъ о воскресеніи (*καὶ περὶ ἀναστάσεως ἐπιστάμενος οὐδὲν*), и потому тѣмъ болѣе смущался, не видя причины своихъ страданій» (Επιστ. β. πρὸς διακον. Οὐμπριάδ. 8). Тоже самое говоритъ онъ объ Іовѣ въ 33 бесѣдѣ на ев. Матвея, что онъ *μηδὲν εἰδέναι περὶ βασιλείας οὐρανῶν καὶ ἀναστάσεως σαφές*.

Подобно Іову, и друзья его представляли, что сошествіемъ по смерти въ шеолъ—преисподнюю оканчивается попріще человѣческой жизни (3, 26. 20, 11 и др.); выходъ изъ шеола, воскресеніе, будущая жизнь съ блаженствомъ праведныхъ и мученіемъ печестивыхъ были имъ совершенно не извѣстны.

Учете о воздаяніи. Такъ какъ срокъ жизни, назначенной человѣку, по учению мудрыхъ, ограничивается предѣламъ настоящаго земнаго бытія, то *подвигъ и воздаяніе* за него совершаются также въ предѣлахъ настоящей жизни. Здѣсь человѣкъ подвизается; здѣсь же въ предѣлахъ временнаго существованія своего получаетъ отъ Бога награду, воздаяніе; или наказывается разными бѣдствіями,

если дается порокамъ и беззаконіямъ. Воздаяніемъ чело-
вѣку за добродѣтель служить благоденствіе, которое со-
ставляютъ: спокойствіе внутреннее, душевное (11, 18. 19),
огражденіе отъ разныхъ бѣдствій (золь) жизни, отъ го-
лода, разоренія, меча и проч. (5, 19—22), усиѣхъ въ
трудахъ и занятіяхъ, процвѣтаніе хозяйства, обиліе благъ
земныхъ (5, 24), здоровье, долгоденствіе и окончаніе жиз-
ни спокойное и въ лѣтахъ полной зрѣлости (5, 25), на-
конецъ, благословеніе дѣтьми, потомствомъ (5, 25). На-
казаніемъ же за нечестіе служить противоположное сему
состояніе: внутреннее безпокойство, трепеть и ужасъ (15,
20. 21. 18, 11), всякаго рода виѣшнія бѣдствія—голодъ,
разореніе и проч. (15, 22—24), неудачи въ хозяйствѣ,
скудость и нужда въ потребностяхъ жизни (5, 5. 15, 24),
презрѣніе отъ людей (18, 17. 18), разные огорченія, бо-
лѣзни (18, 13), не своевременная, ранняя кончина (15,
32), бездѣтство и непродленіе потомства или несчастная
судьба дѣтей (18, 19). Все это, по представленію муд-
рыхъ, происходитъ отъ Бога и посылается людямъ по
суду правды Божіей. Іовъ сравниваетъ жизнь чело-
вѣка съ воинскою службою и съ поденнымъ трудомъ наемника.
Какъ по окончаніи срока службы воинъ дается покой и
отдыхъ; такъ и чело-
вѣку усердно служащему Богу долж-
ны быть отсчитаны дни и мѣсяцы тихой, спокойной и
счастливой жизни. Какъ наемнику за его дневной трудъ
ввечеру дается плата; такъ и праведникъ, своими дѣлами
благодаряющій Богу, долженъ получить отъ Него заслу-
женное воздаяніе (7, 1—3). Такъ какъ Богъ не можетъ
быть не справедливъ и не можетъ оставаться въ долгу у
чело-
вѣка, то праведный, служившій Ему съ полнымъ

усердіемъ, не можетъ оканчивать дней своихъ, не вкусивъ добра (7, 7. 21, 25), не насытившись жизнью (42, 17). Поэтому, Іовъ, праведно служившій Богу, видя постигшія его бѣдствія, представлялъ не естественнымъ, противнымъ справедливости Божіей такое свое положеніе. *Я ожидалъ, говоритъ, радостныхъ мѣсяцевъ ¹⁾, но ночи горестныя отчислены мнѣ (7, 3).* Въ другой разъ говорить: *я чаялъ добра, а пришло зло; ждалъ свѣта, а пришелъ мракъ (30, 26).* Потому, какъ заслуженной платы просить у Бога, прекратить страданія, чтобы ему порадоваться хоть не много (10, 20), какъ наемнику, провести день свой съ удовольствіемъ (14, 6).

Такъ какъ Богъ справедливъ, воздастъ каждому должное, и съ настоящею жизнью все прекращается для человека; то должно быть въ сей жизни строгое соотвѣтствіе между добродѣтелию и счастьемъ, между порокомъ и несчастіемъ. *Вспомни, говоритъ Елифазъ Іову, кто тотъ невинный, который погибъ, и идъ были искоренены праведные (4, 7).* Вилладъ говоритъ Іову: *Богъ можетъ ли измѣнять законъ? Вседержитель можетъ ли превращать правду? Если сыны твои согрѣшили предъ Нимъ, то Онъ*

¹⁾ LXX: Εὐὶ ὑπάρμενα μήνας καυρούς. Καυρὸς пустой, ничѣмъ не наполненный. Мысль текста прекрасно выражена въ древнемъ арабскомъ переводѣ: ego quoque exspectabam menses feriatos (Translationis antiquae arabicae Libri Iobi, quae supersunt ex apographo codici Musei Britannici nunc primam edidit atque illustravit Wolfius Guil. Frid. comes de Baudissin, 1870). Feriatius dies *шабашной день*; feriatus dies *уличій день*, который пѣлетъ наемникъ послѣ дней рабочихъ. Іов. 7, 3 слч. съ 2.

(умертвивъ ихъ) только предалъ ихъ въ руки беззаконія ихъ; если ты чистъ и правъ, то Онъ нынѣ же надъ тобою воспрянетъ, и умиритъ жилище праведности твоей (8, 3. 4. 6). Всѣ рѣчи друзей Іова направлены къ тому, чтобы показать Іову строгое соотвѣтствіе въ жизни между добродѣтелью и счастьемъ, порокомъ и несчастьемъ, показать ему, что Богъ правящій всѣмъ міромъ не можетъ поступать не справедливо, Вседержитель не можетъ покривить правду (34, 12), что Онъ по дѣламъ человѣка платитъ ему, по пути мужа воздастъ ему (11), что вина и судъ тѣсно связаны между собою (36, 17). Іовъ самъ признавалъ, что такъ должно бы быть (9, 2), и потому, не находя въ себѣ вины, заслуживающей наказанія, недоумѣвалъ, почему Богъ поступать съ нимъ иначе.

Представляя въ такой строгой связи счастье съ добродѣтелью и несчастье съ порокомъ, естественно было думать, что бѣдствія и страданія служатъ признакомъ явнаго или тайнаго нечестія и беззаконія, что несчастный страдалецъ видимо носить на себѣ печать не благоволенія Божія, явнаго отверженія. Этимъ объясняется, почему друзья поступали съ Іовомъ такъ безцадно и жестоко: они видѣли на немъ явный знакъ отверженія Божія, но не находили въ немъ признанія своей вины и раскаянія. По той же причинѣ, и другіе, знавшіе прежде Іова, какъ праведника, и уважавшіе его, видя постигшія его бѣдствія и страданія, перемѣнили свое отношеніе къ нему, такъ что онъ сталъ притчею въ народѣ и посмѣшищемъ для друга своего (12, 4). И это, конечно, увеличивало тяжесть его невзгодныхъ страданій.

Если жребій чело́вѣка находится всецѣлю во власти Вседержителя, и быть счастливымъ или несчастливымъ зависить отъ того, благоволитъ Онъ или не благоволитъ къ кому; то вся цѣль мудрости заключается въ томъ, чтобы достигнуть благоволенія Божія, а съ нимъ и земнаго благополучія.

Правственное учение. Благоволеніе Божіе, по ученію мудрыхъ, достигается исполненіемъ воли Вседержителя, храненіемъ заповѣдей Его, хожденіемъ по пути Его, не порочною и праведностію. Елифазъ говоритъ Іову: *Благочестіе твое не есть ли надежда твоя? И чистота путей твоихъ не есть ли упоение твое* (4, 6)? Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *прими законъ изъ устъ Его (Бога), и славы глаголы Его въ сердце твоемъ. Если ты обратишься къ Вседержителю, то возсозиждешься; если удалишь беззаконіе отъ шатра твоего, и повернешь въ прахъ драгоценный металлъ, и, какъ камни потоковъ, обфирское золото; то будетъ самъ Вседержитель златомъ твоимъ, и высокими серебромъ у тебя. Тогда будешь радоваться о Вседержителѣ, и вознесешь къ Богу лице твое, помолитъсѣ Ему, и Онъ услышитъ тебя, и ты исполнишь обѣты твои. И положишь намъреніе, и оно состоится у тебя, и надъ путями твоими свѣтъ будетъ сиять* (22, 22—28. Подобн. 33, 23—28 и др. м.)

Требованія воли Божіей на языкѣ мудрыхъ называются:

а) изрѣченіями Святаго אֱמִרַי קִדְרַשׁ, ῥήμα ἁγίου Θεοῦ (и не отверся изреченій Святаго 6, 10); — глаголами устъ Его אֱמִרַי פִּי ῥήματα ὀστέων (глаголы устъ Его хранилъ божь моею собственною устами 23, 13); б) закономъ изъ устъ Его מִפִּי דִּרְהָא (прими законъ изъ устъ Его и

slavai slavoi Ego vo serdyci tvoem; въ греческомъ: ἐκβαλε δὴ ἐκ στήματος αὐτοῦ σὺν ἐξήγγορίαν, καὶ ἀνάλαβε τὰ ῥήματα αὐτοῦ ἐν καρδίᾳ σου, 22, 22); в) *заповѣдями устъ Ego* חֻמֵּי פִּי אֱלֹהֵי עֲלֵי אֲדָמָה (заповѣди устъ Ego держался 23, 12). Первое изъ этихъ выраженій פִּי אֱלֹהֵי עֲלֵי אֲדָמָה употребляется только для означенія устныхъ откровеній или изреченій Господа (Числ. 24, 4. 16. Нав. 24, 27), и соответствуетъ греческому λογίον, которымъ у языческихъ писателей означаются часто отвѣты оракуловъ и изреченія боговъ (Nov. Lexic. graeco-latin. in N. T. Schleusner sub voc. λογίον). Второе חֻמֵּי פִּי и третье חֻמֵּי פִּי, по употребленію въ священныхъ еврейскихъ книгахъ, означаютъ или положительныя нравственныя предписанія, изложенныя въ законѣ, данномъ народу еврейскому (חֻמֵּי פִּי Лев. 6, 7. 7, 7. Нав. 1, 8. 8, 34. 4 Цар. 22, 8. 11. Пс. 8, 3; חֻמֵּי פִּי Лев. 4, 13. Пс. 13, 5), или устные повелѣнія (חֻמֵּי פִּי Ис. 1, 10. 8, 16. 20. 42, 4. 21; חֻמֵּי פִּי 4 Цар. 18, 36. Притч. 7, 1. 2). Такимъ образомъ всѣ эти выраженія не указываютъ необходимо на положительныя или письменныя нравственныя опредѣленія, а означаютъ въ устахъ нашихъ мудрыхъ общія всѣмъ людямъ нравственныя требованія, утвержденныя въ естественномъ законѣ совѣсти (Рим. 2, 14. 15), которая у самыхъ язычниковъ считалась за постоянный живой голосъ Бога (Seneca in epist. XXI ad Lucilium).

Нигдѣ въ бесѣдахъ какъ Іова такъ и друзей его не излагается нарочито содержаніе нравственнаго ученія, по ихъ понятіямъ о *праведности* высказываются въ разныхъ мѣстахъ какъ частныя замѣчанія, и *общее представленіе*

о ней можемъ получить изъ того нравственнаго образа, который представлялъ собою праведный Іовъ.

Понятія мудрыхъ о праведности представляютъ развитіе тѣхъ нравственныхъ требованій въ отношеніи къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка, подѣ вліяніемъ тѣхъ представлений о Верховномъ Существѣ, какія имѣли о Немъ.

Исходнымъ началомъ и мотивомъ нравственной жизни служить *страхъ Божій* (יִרְאָה אֱלֹהִים 28, 28. 37, 24. יִרְאָה אֱלֹהִים 6, 1^h). Подѣ *страхомъ* יִרְאָה (отъ אֱלֹהִים почиталъ Лев. 19, 3. Нав. 4, 14. Лев 19, 30., *благословляъ* Пс. 64, 9., *боялся* Быт. 3, 10. 18, 15) разумѣется первоначально *благословіе* предѣ Богомъ, возбуждаемое представленіемъ Его величія и высочайшихъ совершенствъ (4, 6. 15, 4. 37, 24), обращающееся въ *трепетъ* и *страхъ*, когда къ нему присоединяется представленіе о Богѣ, какъ о праведномъ Судіи и Воздаятелѣ, не терпящемъ ничего злаго и нечистаго. Эгими двумя мотивами движется вся нравственная жизнь праведника (יִרְאָה 17, 9); первымъ раскрывается положительная сторона праведности, что человѣкъ долженъ дѣлать, чтобы быть *правымъ*, *добродѣтельнымъ* (יִשְׁרָא 8, 6. 9, 20. 17, 8), *честнымъ* (יָשָׁר 9, 20. 21. 12, 4); вторымъ отрицательная сторона, — чего онъ долженъ уклоняться, чтобы быть *чистымъ* (טָהוֹר 8, 6) и *невиннымъ* (יָצִי 9, 23). *Нечестіе* (יָחַד 17, 8), *грѣхъ* (חַטָּאת 7, 21. 10, 6. 13, 23), *беззаконіе* (עֲוֹנוֹת 7, 21. 11, 14), *порокъ* (פְּשָׁעִים 10, 6. 11, 14. 13, 23), *преступленіе* (פָּשָׁע 10, 14), *проступокъ* (פְּשָׁטָה 19, 4) означаютъ разные виды и степени зла (עָרָב 1, 1. 8. 2, 3), котораго

человѣкъ долженъ удалиться, чтобъ быть чистымъ и невиннымъ предъ Богомъ. Такъ какъ Богъ испытываетъ человѣка каждое мгновеніе (6, 18), видитъ всѣ пути человѣка (31, 4), изчисляетъ всѣ шаги его (14, 16), знаетъ всѣ движенія внутренней жизни его (23, 10); то всякое нечистое пожеланіе, всякій дурной помысль, всякое самое малѣйшее движеніе сердца ко грѣху должны быть удаляемы изъ души, какъ противныя Богу, оскорбляющія его величіе и святость. Праведность такимъ образомъ заключается не въ соблюденіи только правильныхъ и указываемыхъ совѣстію вѣншихъ отношеній къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому, но существеннымъ образомъ во внутренней чистотѣ и правотѣ духа. Потому Іовъ считаетъ за тяжкій грѣхъ, достойный великаго наказанія отъ Вседержителя, одно воззрѣніе на дѣвицу съ нечистымъ помысломъ (31, 1—3). Потому онъ, послѣ того, какъ совершался кругъ праздничныхъ дней у дѣтей его, созывалъ ихъ къ себѣ и освящалъ принесеніемъ за каждого изъ нихъ жертвы, думая, что, можетъ быть, согрѣшили они и допустили въ сердцѣ своемъ какой либо нечистый помысль о Богѣ (1, 5). Лицемѣръ, показывающій одинъ видъ благочестія, считался презрѣннымъ и достойнымъ самаго тяжкаго наказанія отъ Бога (8, 13. 13, 16. 27, 8. 31, 33. 34).

Чѣмъ болѣе мудрый познаетъ своего Вседержителя въ дѣлахъ творенія и промышленія Его о мірѣ, тѣмъ больше проникается благоговѣніемъ къ Нему и побуждается славословить, превозносить и благодарить Его (36, 24), и въ то же время тѣмъ больше усматриваетъ въ самомъ себѣ несовершенства и недостатки. Софаръ говоритъ Іову: о,

когда бы Богъ возлагалъ и отверзъ уста Свои съ тобою, и явилъ тебѣ тайны премудрости! Ты узналъ бы, что Богъ для тебя предалъ забвенію ничто изъ беззаконій твоихъ (11, 5. 6). Поэтому, мудрость (חכמה) и благоволеніе или страхъ Божій (פחד) находятся въ самой живой и тѣсной связи; разумъ (דעת) и удаленіе отъ зла (עוול) на языкѣ мудрыхъ—понятія синонимическія (28, 28); умный человекъ (חכם) intelligens, recte sapiens, probus, pius Пс. 13, 2. Дан. 11, 33. 35. 12, 3. 10) и праведный (צדיק) имѣютъ значеніе равносильное (22, 3 слч. 2); חסидъ означаетъ мудрость и нечестіе (1, 22. 2, 10. 5, 2. 3). Безразсудный, легкомысленный, глупый—синонимы нечестиваго (5, 2).

Всякой грѣхъ исправляется раскаяніемъ, обращеніемъ къ Богу и молитвою (5, 8. 11, 13. 14. 22, 21. 23. 27). Когда грѣшникъ сознаетъ свою вину и молить Бога о помилованіи; Богъ умилостивляется, возвращаетъ ему праведность, и онъ снова становится любезенъ Богу и взираетъ съ веселіемъ на лице Его (35, 24—26).

Въ основѣ отношеній къ ближнему лежитъ представленіе, что Единый образовалъ насъ въ утробѣ, что Создавшій меня во чревѣ создалъ и его, и что поэтому Богъ возсталъ бы противъ меня, наказаніемъ посылитъ бы, если бы я сталъ презирать права его (31, 13. 14. 15). Такъ Іовъ разсуждалъ о своихъ отношеніяхъ къ слугамъ. Безъ сомнѣнія, этотъ же правдивый мотивъ лежалъ у него и въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. Питая благоговѣніе къ Создателю, естественно было имѣть сочувствіе и уваженіе ко всѣмъ тѣмъ, которые Имъ созданы

и притомъ одинаково съ нами, то есть, приходится намъ какъ братья отъ одного отца. Последняя мысль не высказана такъ ясно, какъ у пр. Малахиі (2. 10); но она предполагается по самому образу выраженія. Выходя изъ этого мотива, Іовъ уважалъ права слуги своего и служанки, когда между нимъ и ими возникало какое либо разногласіе (31, 13); не радовался о погибеліи врага своего и не восхищался, когда постигало его несчастье (29. 30); не позволялъ себѣ пользоваться даромъ чужими трудами или задерживать плату за землю занимаемую у другихъ (36); не позволялъ себѣ притѣснять сирыхъ, надѣясь на покровительство судей (21—23); не отказывалъ бѣднымъ въ помощи и вдовѣ въ пособіи (16); дѣлился кускомъ съ сиротой (17); принималъ его къ себѣ въ домъ (18); не могъ смотрѣть равнодушно на погбавшаго безъ одежды и на бѣднаго безъ покрова (19. 20); страннику давалъ ночлегъ и путешественнику пріютъ (32), и пр.; входилъ въ дѣло незнакомаго и вступался за угнетенныхъ и обиженныхъ (29, 16. 17); спасалъ отъ бѣды страдальца вопіющаго, и сироту, когда не было помогающаго ему (12).

Во взаимныхъ отношеніяхъ глубоко уважались искренность и прямота, какъ и съ другой стороны строго осуждались: лесть (32, 23), лукавство и коварство (31, 3), челоуѣкоугодничество (22, 8), скрытность (31, 33), особенно лицемеріе (8, 13. 13, 16. 27, 8).

Высоко цѣнилась дружба (6, 13. 27), и предательство почиталось достойнымъ тяжкаго наказанія (17, 3).

Хотя вѣншее благополучіе считалось знкомъ благоволенія Божія; но пристрастіе къ стяжанію (31, 23), надежда на богатство (31, 24), корысть и любостяжательность (31, 7) считались грѣхомъ.

Вотъ общій очеркъ ученія мудрыхъ! Этого ученія держались какъ Іовъ, такъ и друзья его. Но открывшійся поразительный случай (страданія Іова) вызвалъ въ средѣ ихъ недоумѣнія и возраженія противъ нѣкоторыхъ пунктовъ этого ученія и частныя разъясненія этихъ пунктовъ. То и другое увидимъ ниже.

Какъ объяснить явленіе въ позднее время человѣческой исторіи такихъ лицъ, какъ Іовъ и друзья его, на почвѣ языческой, съ понятіями о Богѣ чистыми и высокими?

Если Богъ отдѣлялъ народъ еврейскій отъ массы другихъ народовъ, принявъ его подъ особенное руководство, — это не значитъ, что прочіе народы были отвергнуты Богомъ отъ лона отеческой любви Его и оставлены безъ всякаго попеченія о ихъ спасеніи, какъ *massa perditionis*. Особенное благоволеніе Божіе къ избранному народу заключалось въ томъ, что Богъ *поставилъ его выше* (על־כָּל־אֲרָצוֹת) *всѣхъ народовъ, которыхъ Онъ сотворилъ, въ чести, славу и великолѣпіи* (Второз. 26, 19), приблизилъ его къ Себѣ (4, 7), и далъ ему такія постановленія и законы, которыхъ нѣтъ у другихъ народовъ (4, 8), такъ что другіе народы, услышавъ о сихъ постановленіяхъ, могли сказать: *только сей великій народъ есть народъ мудрый и разумный* (4, 6). Что жъ касается прочихъ народовъ, то они не отвергнуты, а только оставлены на прежнемъ пути жизни, подъ руководствомъ общаго Провидѣнія о людяхъ и всей твари, съ тѣми же средствами къ Богопознанію, какія существовали въ родѣ человѣческомъ до избранія народа еврейскаго. Средства эти были: 1) первобытное общее откровеніе; тѣ представленія о Богѣ, какія существовали изначала въ человѣчествѣ, переходили изъ рода въ родъ, и хотя въ племенахъ народныхъ съ тече-

ніемъ времени измѣнились, даже исказились, но въ лучшихъ людяхъ сохранились въ первобытной чистотѣ и ясности. Достоверно и то, что для поддержанія вѣры въ людяхъ, Богъ продолжалъ и на этомъ пути входить въ непосредственное общеніе съ избранными Своими и открывать имъ волю Свою. Такъ, мы знаемъ, во время Моисея, въ Мессопотаміи былъ Валаамъ, сынъ Веоровъ, *мужъ съ открытымъ окомъ, слышавшій слова Божіи, имѣвшій видѣніе отъ Всевышняго, который видѣлъ видѣнія Всемоущаго* (Числ. 24, 3. 15. 16). Не напрасно существовало у народовъ убѣжденіе, что Богъ открываетъ людямъ волю Свою во снѣ. Это одинъ изъ обычныхъ способовъ Откровенія въ первобытной религіи патріарховъ. Примѣры его мы встрѣчаемъ и въ позднее время исторіи. Такъ, Навуходоносору Богъ открываетъ во снѣ судьбу царствъ человѣческихъ (Дан. гл. 2).—2) Естественный, общій всѣмъ людямъ способъ Богопознанія, положенный въ разумъ и совѣсти. *Что можно знать о Боиъ, говорить ап. Павелъ, явно было и для язычниковъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная Сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы* (Римл. 1, 19. 20). *И не имѣя закона, говоритъ тотъ же апостоль о язычникахъ, они имѣли дѣло закона написаннымъ въ сердцахъ ихъ, о чемъ свидѣтельствовала совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую* (Римл. 2, 14. 15).

Отъ народовъ, жившихъ вблизи избраннаго еврейскаго племени, не былъ закрытъ свѣтъ откровеннаго Боговѣдѣнія, хранившійся у послѣдняго; и лучшіе изъ людей могли поль-

зоваться этимъ свѣтомъ. Самъ Іегова посылалъ пророческое слово изъ Іудеи къ чуждымъ племенамъ. Такъ пр. Іона, по повелѣнію Его, ходилъ въ Ниневію проповѣдать покаяніе, и развращенный городъ принялъ пророка, какъ посланника Божія, и принесъ покаяніе въ постъ и вретищѣ (Іон. гл. 3). Не могли не знать объ этомъ свѣтѣ особенно въ той странѣ, которой принадлежалъ Іовъ, какъ самой близкой къ Палестинѣ. Въ одно время исторіи сходятся здѣсь одно за другимъ слѣдующія знаменательныя событія. Іегова посылаетъ пр. Илію въ Сирію помазать на царство Азаила (3 Цар. 19, 15). Венададъ царь сирійскій приглашаетъ къ себѣ Елисея, какъ *человѣка Божія*, чтобъ узнать отъ него объ исходѣ своей болѣзни (4 Цар. 8, 4—10). Нееманъ, военачальникъ сирійскій, приходилъ къ пр. Елисею за исцѣленіемъ отъ болѣзни, и, получивъ исцѣленіе, испросилъ разрѣшеніе устроить у себя жертвенникъ Іеговъ (4 Цар. 5, 5, 1—19). Конечно, царь и народъ, и послѣ сего оставались въ своей языческой вѣрѣ и продолжали молиться въ домѣ Риммона (4 Цар. 5, 18); но искавшіе истиннаго Бога въ такихъ обстоятельствахъ, подобно Нееману, могли познавать Его.

При этихъ средствахъ къ Богопознанію, и по отдѣленіи народа еврейскаго отъ массы другихъ народовъ, въ послѣдней могли всегда существовать читатели единаго истиннаго Бога, сохранявшіе по преданію представленія о Богѣ первобытной общей религіи, и путемъ разума, чрезъ разсматриваніе твореній, чрезъ размышленіе о мірѣ видимомъ доходившіе до познанія Невидимаго, Его вѣчной Силы и Божества. Исторія внутренней жизни восточныхъ народовъ для насъ мало извѣстна; и вообще объ этихъ народахъ

мы знаемъ почти не болѣе того, сколько сообщаютъ намъ священные книги евреевъ, когда говорятъ о политическихъ столкновеніяхъ ихъ съ народомъ Божиимъ. А такія лица, какъ читатели истиннаго Бога, будучи единицами среди массъ, преданныхъ идолослуженію, могли оставаться и для самыхъ этихъ массъ не замѣченными, совершая втайнѣ, какъ Нееманъ (4 Цар. 5, 18), служеніе истинному Богу.

Среди языческихъ восточныхъ племенъ весьма рано являются люди, которые, по своему знанію и по особенному свойству и направленію мыслительней дѣятельности своей пользовались у другихъ людей названіемъ *мудрыхъ* (חכמים). Въ вѣкъ Соломона этотъ классъ людей становится извѣстнымъ въ землѣ еврейской. Священный повѣствователь, когда говоритъ о мудрости Соломона, ставитъ ее *выше мудрости* (על חכמה) *всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости* (חכמה) *Египтянъ* (3 Цар. 4, 30). Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній о Соломонѣ можно заключать, что эта мудрость состояла въ познаніи предметовъ естественныхъ (ст. 33) и въ опредѣленіи отношеній человека во всевозможныхъ положеніяхъ его въ жизни (ст. 32 слч. съ самыми Притчами). Направленіе этой мудрости, какъ можно заключать изъ образца ея, представленнаго Соломономъ въ его Притчахъ, было по преимуществу практическое, и, по характеру семитическихъ народовъ (не говоримъ здѣсь о мудрости Египтянъ), должно полагать—такое, которое исходило изъ религіозныхъ представлений. Это видно отчасти изъ понятія восточнымъ народамъ о происхожденіи мудрости. Въ 3 Цар. 10, 24 говорится,

что всѣ цари на землѣ искали видѣть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую *вложилъ Богъ въ сердце его*. Царица савская, приходившая испытать мудрость Соломона загадками, послѣ бесѣды своей съ нимъ, увидѣвъ, что мудрость его далеко превосходитъ то, что она слышала объ ней, воскликнула: *да будетъ благословенъ Господь Богъ твой, который благоволилъ посадить тебя на престолъ Израилевъ! Господь, по великой любви Своей къ Израилю, поставилъ тебя царемъ творить судъ и правду* (3 Цар. 10, 1—9).

Изъ книги Притчей можно заключать, что сословіе мудрыхъ было не малое; и когда Соломонъ упоминаетъ наприм. о бесѣдахъ мудрыхъ (1, 6), о словахъ премудрыхъ (22, 17), объ изреченіяхъ мудрыхъ (24, 23) и проч., то едва ли разумѣть мудрецовъ только своей націи, рядъ которыхъ съ него и начинается; весьма вѣроятно, что разумѣть здѣсь вообще мудрыхъ, какой бы націи они ни принадлежали, между которыми многіе лично были извѣстны ему.

Какъ люди, стремящіеся вообще къ знанію и руководившіеся однимъ началомъ знанія—разумомъ, мудрые разныхъ народовъ не могли стѣсняться національными сепаративными расчетами политики. Цѣль ихъ—приобрѣтеніе знанія, гдѣ бы оно ни заключалось, отъ кого бы ни исходило. Отсюда происходило то, что мудрые, узнавая о другихъ мудрецахъ, получавшихъ извѣстность, приходили къ нимъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться ихъ знаніемъ и добытыми свѣдѣніями. Поэтому-то, какъ скоро имя Соломона сдѣлалось извѣстнымъ на востокѣ, *приходили къ нему отъ всѣхъ народовъ*—разумѣется мудрые—

послушать мудрости его מִלְפָּנֵי הַמֶּלֶךְ הַזֶּה וְלִשְׁמָעוֹ, отъ вѣстьхъ царей земныхъ, которые слышали о мудрости его (3 Цар. 4, 34), и выносили отъ него не одно удивленіе его мудрости, какую далъ ему Богъ, его великому разуму и обширному уму (ст. 29), но и тѣ понятія о вещахъ и познанія, какія высказывалъ онъ.

Это сближеніе мудрости еврейской съ мудростію восточныхъ мудрецовъ имѣло благотѣльное вліяніе для той и другой стороны. Первая заимствовала отъ послѣдней форму (משל дидактическое изреченіе), послѣдняя отъ первой содержаніе. Что именно могла получить послѣдняя отъ первой, можно судить по книгѣ Притчей, которая справедливо можетъ быть названа системою ученія (doctrina) Соломонова. Сама по себѣ книга Притчей представляетъ раскрытіе того, что содержится въ законѣ Іеговы, только въ другой формѣ. Какъ законодатель народа еврейскаго, заповѣдуя хранить и исполнять всѣ постановленія и законы, изложенные имъ въ его книгахъ, говорилъ народу: *въ этомъ ваша премудрость* (חֵכְמָתְךָ) *и разумъ вашъ* (בִּינְיָתְךָ) *предъ глазами народовъ* (Второз. 4, 6); такъ, давая совѣты и наставленія, изложенныя въ книгѣ Притчей, приточный мудрецъ могъ сказать, и говорить: *въ храненіи и исполненіи ихъ ваша премудрость и вашъ разумъ* (1, 2—6). Что въ законѣ выражено какъ откровеніе Іеговы въ положительной, догматической такъ сказать формѣ, въ Притчахъ переведено въ форму интеллектуальнаго сознанія, изъяснено на основаніи естественнаго голоса разума и совѣсти, изложено въ видѣ моральной философіи. Что въ законѣ установлено, какъ норма національной жизни ветхозавѣтнаго народа Божія, въ Притчахъ представ-

лено какъ норма жизни всякаго человѣка, желающаго служить Іеговѣ и быть въ общеніи съ Нимъ, къ какому бы племени или народу ни принадлежалъ онъ. (Во всей книгѣ Притчей ни разу не встрѣчается имя избраннаго народа **יִשְׂרָאֵל** или другое подобное). Что въ законѣ предложено, какъ объективное ученіе нравственной жизни, какъ общее начало спасенія чрезъ общеніе съ Іеговой, въ Притчахъ примѣняется къ субъективной жизни человѣка во всѣхъ его состояніяхъ и отношеніяхъ, въ жизни религіозной, государственной, общественной и домашней. Отсюда мудрость Соломона, утверждаясь на Откровеніи Іеговы, имѣла универсальное значеніе, и мудрецамъ востока отворяла дверь къ мудрости, содержащейся въ Откровеніи Іеговы, данномъ народу еврейскому. Нѣтъ ничего не вѣроятнаго, что восточные мудрецы, слушая Соломона, или потомъ читая его произведеніе, переносили на свою почву его представленія о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ, ученіе о мудрости, нравственности, и проч.

Что мудрость у сыновъ востока продолжалась и послѣ Соломона, это видно изъ свидѣтельства пророческихъ книгъ о Османѣ, который во время пр. Іереміи и Авдія славился еще своими мудрецами (Іер. 49, 7. Авд. 8). Изъ Османа происходилъ самый старшій изъ друзей Іова Елнфазъ (Іов. 2, 11).

Нисколько не удивительно, что и около времени плѣна вавилонскаго между мудрыми являются люди съ такими чистыми и высокими понятіями о Богѣ, какія высказываются въ бесѣдахъ Іова и друзей его, и такой высокой образецъ праведности, какъ Іовъ. Если авторъ не идеализировалъ изображаемыхъ имъ лицъ, а хотѣлъ представить ихъ тѣмъ,

чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, то въ Іовѣ мы можемъ признать воснигання мудрости Соломоновой. Іовъ такое же имѣеть представленіе о мудрости (28, 12—28), какое Соломонъ изложилъ въ книгѣ Притчей (смыч. Притч. 8, 11. 27—29. 1, 7. 3, 7. 15. 9, 10. 15, 33 и др. м.). Знакомство съ Соломоновымъ ученіемъ о мудрости замѣтно и у Елифаза (15, 7. 8). Здѣсь авторъ книги не пользуется только представленіями и выраженіями книги Притчей для изложенія мыслей Іова, но излагаетъ цѣльное ученіе Іова о мудрости, которое лежитъ такъ сказать красугольнымъ камнемъ въ основѣ его міровоззрѣнія, и которое представляетъ такое же сходство съ ученіемъ Соломона, какое бываеъ въ мысляхъ у ученика съ своимъ учителемъ.

Явленіе такого праведника, какъ Іовъ, на почвѣ языческой и въ такое время, какъ время плѣна вавилонскаго, могло быть не безъ особеннаго значенія въ исторіи домостроительства Божія о спасеніи человѣческаго рода. Съ плѣснѣемъ вавилонскимъ, предъ очами Израіля, слѣпо вѣровавшаго въ свое призваніе и мало отвѣчавшаго ему своею жизнію, должно было раскрываться, что Іегова не есть Богъ только іудеевъ, но и язычниковъ, что познаніе Бога Израілева должно стать достояніемъ всѣхъ народовъ, что у Бога есть и другія овцы, которыя *не сего двора*, и которыхъ нѣкогда соберетъ Онъ воедино (Іоан. 10, 16. 11, 52). Не даромъ пр. Іезекіиль указывалъ своимъ соотечественникамъ на высокій примѣръ праведности въ странѣ чужой иноплеменной наравнѣ съ праведникомъ изъ своего племени. Время плѣна вавилонскаго есть, съ другой стороны, время откровенія Бога Израілева всѣмъ

народамъ и торжественнаго признанія народами въ Богъ Израиля Бога вѣчнаго, Бога всѣхъ царствъ и родовъ (Дан. 2, 47. 3, 29. 31. 32. 4, 31. 32. 34. 6, 26—28).—Даніилъ и Іовъ первые предвѣстники церкви вселенской, первый изъ іудеевъ, второй изъ язычниковъ!

Если Іовъ жилъ во время ассирійско-вавилонскаго владычества, а писатель нашей книги во время Ездры, Неемии и Малахиі, то ихъ раздѣляло не значительное пространство времени, 50, 100 или сто съ небольшимъ числомъ лѣтъ, если возьмемъ во вниманіе послѣдній предѣлъ жизни Іова, продолжавшейся до 140 лѣтъ послѣ страданій его. Въ книгѣ нашей нѣтъ никакихъ признаковъ, которые бы показывали, что авторъ повѣствуетъ о весьма отдаленномъ отъ него событіи. Не показываетъ такой отдаленности и употребленная въ самомъ началѣ книги формула выраженія:.... אִנִּי אָדָם כְּשֶׁבֶת *человѣкъ былъ въ* (1, 1). Таже формула употреблена въ книгѣ Есепри 2, 5., когда писатель начинаетъ свое повѣствованіе о Мардохеѣ іудеанинѣ: אִנִּי אָדָם כְּשֶׁבֶת; между тѣмъ извѣстно, что писателемъ книги былъ если не самъ Мардохей, то кто либо изъ современниковъ. Притомъ, время описываемыхъ въ нашей книгѣ событій, время страданій Іова отодвигается отъ автора книги на пространство не меньшее 200 лѣтъ. Стало быть, эта формула весьма естественна.

При такомъ разстояніи времени жизни писателя нашей книги отъ событія въ ней изображеннаго, эта чудная исторія Іова не исчезаетъ въ поэтической картинѣ писателя, но получаетъ реальность, какъ исторія дѣйствительная; и священная высокая личность Іова не теряется въ туманѣ сѣ-

дой древности за портретической постановкой, какую имѣеть въ нашей книгѣ, какъ теряется она у нѣмецкихъ изслѣдователей, и какъ теряется у всѣхъ тѣхъ, которые отводятъ существованіе ея въ періодъ патріархальный, но является личностью ясною, опредѣленною, живою. Думавшіе возвысить Іова, поставляя его въ рядъ патріарховъ, не замѣчаютъ, что они созидаютъ вмѣсто одного двухъ Іововъ, когда, изъясняя начертанный въ книгѣ образъ его, бывають вынуждены утверждать, что одно авторъ говорить объ Іовѣ по своему времени, а другое по патріархальному, — не замѣчаютъ, что этимъ способомъ толкованія личность Іова обращается въ мифъ, и исторія о немъ въ народную сагу или легенду. Для автора нашей книги, чтобы вѣрно ообразить личность Іова, жившаго не такъ далеко отъ него по времени, чтобы изложить повѣствованіе о немъ, воспроизвести разсужденія его и друзей его, не было надобности въ сагахъ или легендахъ. Живое, свѣжее преданіе, сохранявшееся въ народѣ, вмѣстѣ съ могилою праведника, извѣстное и въ томъ племени, которому принадлежалъ самъ писатель, а можетъ быть и нѣкоторыя записи самаго ли Іова или друзей его, были источникомъ всего повѣствованія, переданнаго въ нашей книгѣ художественнымъ перомъ, достойнымъ великаго страдальца.

А. Ф.

(Окончаніе будетъ)

